

Александр Семёнович Рымарев

Судьба Александра Семёновича, сына Семёна Константиновича Рымарева, сложилась так же драматично, как и у большинства потомственных дворян и царских офицеров, не покинувших Родину после революции и гражданской войны. Расстреля ему, правда, чудом удалось избежать, однако «прелести» Соловецкого лагеря он испытал сполна. Родился он 8 сентября 1898 года в селе Кричевичи Роменского уезда Полтавской губернии в семье потомственного дворянина Рымарева Семёна Константиновича. После того, как семья обосновалась в Петербурге, Александр Семёнович учился в кадетском корпусе в Царском Селе. По воспоминаниям потомков, еще достаточно в юном возрасте из-за ссоры с отцом Александр Семёнович был на некоторое время лишен родительской заботы и отчего дома. Причиной послужило то, что, обучаясь в кадетском корпусе, он дал пощечину старшему по званию и отказался давать объяснения своему поступку. Отец не мог этого понять и принять. Но, как выяснилось позже, пощечина носила личный характер и была заслуженной.

Каникулы Александр проводил в Тихвине, откуда родом была его мать Анна Сергеевна, и где у Рымаревых был свой дом. В Тихвине он познакомился с семьей Казанцевых и влюбился в их дочь Лидочку, которая была старше его на два года. Случилось это в 1914 г., когда Александру было 16 лет, а Лидочке — 18. Интересно, что и мать Александра была старше его отца, Семёна Константиновича, тоже на два года. Надо сказать, что в доме Казанцевых к Александру относились очень тепло, мать Лидочки Мария Никифоровна Казанцева о нем по-матерински заботилась, опекала и жалела его.

Летом 1914 года началась Первая мировая война — самое время для молодого Александра проявить себя настоящим мужчиной и доказать отцу и любимой девушке, чего он стоил. Александр Семёнович исправил в документах год рождения с 1898 на 1896. С тех пор во всех его документах, включая свидетельство о смерти, годом рождения значится 1896, а в документах Семёна Константиновича год рождения сына остался прежним — 1898. Поправка в документах позволила ему отправиться добровольцем на фронт.

Поступил он рядовым в 295-й пехотный Свирский полк, входивший в состав 74-й пехотной дивизии, отправленной воевать в Карпаты. Сражения были тяжелыми. Первый раз Александра Рымарева ранили в бою под украинской деревней Звинчак 5 марта 1915 г.

За смелость и отвагу, проявленные в боевых действиях, а также за выполнение особо важных поручений командования его наградили орденами Георгиевского креста. Один из орденов получен 5 июля 1915 г. за мужество и храбрость, оказанные в боях с неприятелем с 12 февраля по 24 июня 1915 г., второй — за отличие в бою 25 августа 1915 г., когда он под огнем противника доставил в пункт назначения важное сведение.

Через год 295-й пехотный Свирский полк участвовал в 1-ом Ковельском сражении в составе операции «Брусилловский прорыв», которое продолжалось с 15 по 21 июля 1916 года. Первый день этого сражения, 15 июля 1916 г., историки назовут не только одним из самых кровопролитных, но и одним из самых ярких дней Первой мировой войны. Именно в этот день Александра Семёновича ранили во второй раз. Он получил огнестрельное ранение левого бедра и голени, и только через две недели (1 августа) его доставили в лазарет №15 при Царскосельской женской гимназии, где его вновь поставили на ноги.

Подлечившись в госпитале, Александр Семёнович снова отправляется на фронт. За это время он получит еще один Георгиевский крест, или даже два, и, возможно, станет полным Георгиевским кавалером. Но на данный момент эти сведения еще не подтверждены документально. К сожалению, после Октябрьской революции информацию о наградах приходилось тщательно скрывать, так как, с точки зрения новой власти, это было отягчающим обстоятельством и, как правило, вело за собой арест и репрессии.

25 июня 1917 г. Александр Рымарев, будучи уже в звании прапорщика, вновь окажется на большой койке. На сей раз не с ранением, а с диагнозом «гастроэнтерит». После лечения его демобилизуют, и он вернется в Тихвин, где его к тому времени уже ждали родители. После прихода к власти Временного правительства царский генерал Семён Константинович Рымарев по собственному прошению уволился со службы, и семья переехала из Санкт-Петербурга в свой тихвинский дом.

Не прошло после возвращения с войны Александра и месяца, как 30 июля 1917 г. в Спасо-Преображенском соборе Тихвина состоялось его венчание с любимой Лидочкой — Лидией Алексеевной Казанцевой.

Как рассказывает внучка Александра Семёновича и Лидии Алексеевны Людмила Михайловна Разумова, старшие Рымаревы не одобряли этот брак и считали его мезальян-

Александр Семёнович и Лидия Алексеевна Рымаревы.

сом. Происхождение Лидочки действительно не являлось высородным, да и сыну было тогда всего 19 лет. Завоеванные Георгиевские кресты в зачет не пошли. Но, видимо, со временем родители смирились и признали за молодой семьей право на существование, потому что, когда у них 16 марта 1918 г. родилась дочь Галина, дедушка Семён Константинович стал восприемником при крещении младенца.

«Девочка родилась раньше срока и очень болезненной. Родители вместе отчаянно боролись за ее жизнь, ночами спали по очереди, во всем поддерживали друг друга и дочь выходила. Вскоре родилась вторая дочь, Алла. Обе росли в любви и заботе. Казалось, что жизнь налаживается», — рассказывает Людмила Михайловна.

Но пришла другая беда. Как следует из удостоверения, выданного Анне Сергеевне Рымаревой, матери Александра Семёновича, в Тамбовском Губернском Доме революции 9 декабря 1920 г., она вынуждена была уволиться с занимаемой должности по семейным обстоятельствам. Причина — «в связи с призывом сына на фронт». На какой фронт его призвали и как надолго, пока неизвестно.

Есть сведения, что уже в 1923-1924 гг. Александр Семёнович Рымарев работал ревизором-инспектором Тихвинского уездного финансового отдела. Со стороны Уездной Аттестационной комиссии предпринимались попытки уволить его с занимаемой должности — видимо, из-за его социального происхождения, но они, к радости семьи, не увенчались успехом.

Имя А.С.Рымарева довольно часто встречается в дневниковых записях тихвинского историка и краеведа И.П.Мордвинова, особенно в сентябре 1924 г., когда между членами патриаршей Церкви и обновленцами шла борьба за Богородичный Успенский мужской монастырь. Александр Семёнович играл одну из главных ролей в отстаивании монастыря и его святых. Вот несколько фрагментов дневниковых записей за сентябрь 1924 г.

«1 сентября. Понедельник. Заходил Рымарев. Сообщил, что сейчас архиерей и представители духовенства призваны в отдел ан.упр. за то, что не регистрировали уездного церковного управления. Рымарев написал им для подачи бумагу, в которой, ссылаясь на законы, доказывает, что такой регистрации нельзя и требовать...». «...Рымарев рассказывал, что бумаги о ликвидации приходов получены еще 4 августа, что все это делается по проискам обновленцев...». «12 сентября. Пятница. Вечером пришел Равдоникас и подробно рассказал о событиях. Началось с того, что его вызвали в милицию и предъявили предписание — распе-

ИСТОРИЯ РОССИИ В СУДЬБАХ ТИХВИНЦЕВ

С.Л.О.Н. 1925 год.

чатать церкви и передать их новообразованному коллективу. Вл. заявил, что он на это не имеет полномочий. Его пригласили тогда в исполком. Здесь стали настаивать, чтобы он снял печати. Он ответил: «Дайте мне формальное предписание на бумаге, и я сниму». Исполкомовцы сказали: мы не можем дать такого предписания». «В таком случае и я не могу ничего сделать», — заявил Вл. Потом ему объяснили, что есть строжайшее секретное предписание — немедленно же передать монастырь обновленцам. После совещания решили ожидать ответа из центра. К Владике стали между тем приходиться представители обеих сторон, — и Рымарев, и Леонид (обновленческий священник Леонид Борисов. Прим. автора)... Леонид явился с предложением послать от себя нарочного в Питер с бумагами Владика. Последний согласился на это и передал ему пакеты. Рымарев же Вл. дал два письма — на имя Моласа и Мошкова, где указывал, что новый коллектив вовсе не внушает доверия... В Питер поехали и Леонид, и Рымарев... и как раз столкнулись нос к носу в «Главнауке». Рымарев успел, однако, передать письма и попросить Моласа притормозить дело».

«17 сентября. Среда. Вечером заходил А.С.Рымарев. Рассказывает о предсказании юродивого Тимоши, который утешает: «Не тужите, все ваше будет». А.С. ждет, что его «привлекут» и арестуют».

«20 сентября. Суббота. Встретил Макария, который сообщил, что ночью арестовали архиерея Антония и увезли в Череповец. Арестован также после длительного обыска старый Рымарев (не по ошибке ли — вместо молодого?)... Сообщают, что ночью взяли человека 20... Все увезены в Череповец».

Из записей следует, что, по сути, А.С.Рымарев выступал на переговорах главным представителем канонической Церкви. Его арестовали вместе с епископом Антонием (Демьянским) и проходил с ним по одному делу. Епископа Антония объявили «вдохновителем и организатором» контрреволюционной группы, а Александра Семёновича Рымарева и еще несколько тихвинских горожан знатного происхождения, входивших в члены церковного совета и православной общины при Тихвинском монастыре, — ее участниками.

Следствие по этому сфабрикованному делу велось более полугодом — до лета 1925 г. Все проходившие по делу виновными себя не признали. 19 июня 1925 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило их к трем годам концлагерей. Срок Александр Семёнович отбывал в Соловецком лагере.

По словам исследователя истории Соловецких лагерей Юрия Бродского, на Соловках к заключенным применяли разнообразные пытки и унижения. Так, заключенных заставляли перетаскивать камни или бревна с места на место, считать чаек, громко кричать Интернационал по много часов подряд. Если заключенный останавливался, то двух-трех убивали, после чего люди стоя кричали, пока не начинали падать от изнеможения. Это могло быть ночью, на морозе.

Внучка Александра Семёновича Людмила Михайловна Разумова рассказывает: «Три года, которые он провел в Соловках, были тяжким испытанием и для него, и для бабушки. Бабушка осталась без средств к существованию с двумя малолетними дочками. Не было ни работы, ни профессии. Помогала Мария Никифоровна и няня девочек Наташенька, которая не бросила своих воспитанниц, хотя платить за ее труд было нечем. Наташенька была из деревни и помогала бабушке еще и продуктами. Мир не без добрых людей. Дедушка вернулся из лагеря на Соловках уже больным. Начались новые митарства: трудности с устройством на работу, боязнь нового ареста».

До 1935 г. Александр Семёнович жил и работал в Тихвине. В это время он заботился о матери своей жены Марии Никифоровне Казанцевой, которая когда-то тепло приняла его в своем доме. С 1928 г. она не имела средств к существованию, так как ее лишили избирательных прав. В Ленинградском областном госархиве сохранилось заявление М.Н.Казанцевой от 8 июня 1929 г. в Административный отдел Тихвинского РИКа: «Прошу восстановить меня в правах голоса в виду того, что муж мой сын крестьянина у. дер. Крутика с 12 лет служил, до 1920 года не имел своей торговли и частного дела. Во время революции служил в окружном Лесном комитете 2 года. По болезни в конце 1920 года ушел на пенсию и в 1921 году умер. Я осталась на пенсии по мужу. Но вовремя не переименовала книжку и по своему незнанию осталась без пенсии. Живу в настоящее время на иждивении дочерей Марии — портнихи, которая не лишена права голоса, и Лидии, жена служащего и до нынешнего года работающая сама — член профсоюза, тоже не лишена права голоса. Я до 1928 года пользовалась правом голоса. Я считаю, что в виду всего изложенного меня можно восстановить в правах г-ства. Я дочь крестьянина д. Крутик, 59 лет. М. Казанцева. Тихвин, ул. Рысакова, 58».

Но Тихвинский РИК на своем заседании 25 июля 1929 г. ей в ходатайстве отказал, мотивируя отказ так: «Настоящим сообщается, что гр. Казанцева М.Н. лишена избирательных прав как жена быв. лесопромышленника, жившего на нетрудовые доходы, получаемые от эксплуатации леса в период 1918-1919 гг. При муниципализации строений дом, принадлежавший ее мужу гр. Казанцеву по Рождественской улице муниципализирован, поэтому Президиум Городского Совета при рассмотрении ходатайства о восстановлении в избирательных правах гр. Казанцевой отказал, как лицу, не доказавшему лояльности к советской власти, не имеющему трудового стажа, т.е. работы по найму».

Переписка длилась почти год. Права Марии Никифоровне возвратили только 5 марта 1930 года, и с тех пор она снова смогла получать пенсию.

В 1935 г., опасаясь нового ареста, Александр Семёнович уехал с семьей в Омск. Проезжая с места на место, работал на лесоповале, лесозаготовках и лесосплаве, в результате чего окончательно подорвал здоровье. В 1950 г. Александр Семёнович переехал вместе с женой в Киев, а чуть позже — в Ленинград, по месту службы зятя, и жил вместе с семьей старшей дочери Галины. Скончался он в 1955 году, будучи инвалидом. Похоронен на Серафимовском кладбище. Там же в 1978 г. похоронена и его жена Лидия Алексеевна.

По словам его внучки Людмилы Михайловны Разумовой, Александр Семёнович никогда не жаловался на судьбу, отличался стойкостью и прямоотой: «Честь — неотъемлемая черта его характера. Пользовался за это уважением самых разных людей. В семье его все любили. Жизнелюбия, оптимизма и веры он не терял никогда. Светлую память о нем близкие сохранили на всю жизнь и стараются передать ее своим детям и внукам».

Как и все осужденные по делу Тихвинского монастыря, Александр Семёнович Рымарев полностью реабилитирован прокуратурой Ленинградской области 21 октября 1999 года. О том, что его отца расстреляли в апреле 1938 года, он не знал до конца жизни.

Выражаю сердечную благодарность Людмиле Михайловне Разумовой, внучке Александра Семёновича Рымарева, за большую помощь в подготовке этой статьи.

Светлана Старшина.